Комсомольская Правда
г. Вильнюс

28 МАРТА 1986 г., № 62 (10467)

30 родник

Как и каждую весну, работники театра в эти дни отметили свой праздник. Ему посвящаются новые спектакли, новые роли и дебюты. Ему также посвящены встречи со зрителями на сцене в театральных залах, на и в цехах, домах культуры, школах. Вот уже двадцать пятый раз 27 марта отмечается Международный день театра. У нас в республике в этом году встречают праздник гости из Грузии — творческий, оригинальный коллектив Театра миниатюр, возглавляемый М. Туманишвили. Он — гость нынешнего «Родника», посвященного театру.

О волшебное чудо театра! Угасающий каждый вечер, таяния, казалось, бы, временная жизнь спектакля... И какая глубина, какой порыв радости и удивления, когда, забыв обо всем, мы живем вместе с Актером другой, уже прожитой Режиссером жизнью...

ВЕРЮ В ПРАВДУ ТВОЮ...

...Мокрый снег. Весна. Так приятно услышать голос. Чей? Может, пастечки? Их сетки. А может, сиворца? Вокруг — черная земля. Я люблю здесь. Около избы отец. Я запускаю и воробьев воскыльм. Сшюсь — бетонки парадны, штанинки засучены, под носом — пушок. Будущий мужчина. Завтра или позже, в момент, действительно, уже завтра? — я узнаю. Еще помню большой сад, в нем много деревьев, кустов.

У моего отца были хорошие руки. Мама не правила себя в искусства, хотя... Отец хорошо делал рубанки, мать — вышивала скатерти. Я узнал городскую жизнь только с 19 лет. Душой тянулся к искусству, но не минитаризирование. Любил читать. Там и вышло, само по себе... Вся сформировалась там, в деревне. Я похож на отца.... Отец уже скончался. Мама живет в Шилуне. Таина дела...

Тут следует остановиться и представить автора этих воспоминаний. Эймунтас НЕКРОШЮС, режиссер Молодежного театра, лауреат Государственной премии Лит. ССР.

...В зале темно. Он сидит в восьмом или девятом ряду, микрофон в руке, внимательно наблюдает. На сцене — почти все «домашние» — Елена, Софья, Войницкий, Астров, Телегин. Странное одиночество, контакт и вновь расхождение — в этом малом пространстве театра, на какой-то окраине России, на качающихся волнах Вселенной.

— Нет, не так. Нужно несколькими прыжками через всю сцену, — кричит режиссер актрисе Д. Сторна. — Ведь твоя героиня появляется в первый раз. Попробуй прыжками... Нет, не то, тоже нехорошо. А может, маленькими шагами?.. Опять не то, — он внезапно вскакивает, взлетает на сцену и преодолевает ее несколькими прыжками.

— Ну, кажется, теперь лучше, — вздыхает он. Вообще-то он лишь изредка вмешивается в действие так активно. Чаще — комментирует вполголоса в микрофон, советует.

Идут последние репетиции по пьесе А. Чехова «Дядя Ваня».

— На сегодня, пожалуй, достаточно. Завтра прошу собраться, как обычно, — наконец произносит он и отпускает актеров. На сцене и в зале становится пусто.

— Пойдем, поговорим, — это уже мне. И мы вдвоем спускаемся в одну из уютных комнат театра.

— Итак, снова Чехов. Почему ты возвращаешься к нему? Ведь уже был «Иванов» в Каунасском театре? Сделал какой-то круг?

— Да, был «Иванов». Может, я тогда ошибку совершил, поставив его? Но выстрел прозвучал. Что-то удалось, что-то — нет. Чехов — автор вечный. Особенно актуален теперь — он ведь создавал широкий круг духовных и моральных ценностей. Сегодня нередко наблюдается духовная деградация, вещным Чехов кажется даже экологических проблем (гибнут леса, природа и человек гибнет!).

— О чем твой спектакль?

— А твое мнение? Что ты увидел?

— Ну, истираются жизни в каком-то замкнутом пространстве, изнашиваются без звука. Все повторяется снучно, шаги усталые, позы мутные. Однако среди всего этого вижу: есть и добро. Еще есть...

— А ведь человек знает, как хорошо могло быть, и поэтому страдает. Или бросается в какие-то авантюры, пьет и т. д. Один отыдет от другого, от себя — и гибнет.

— Я наблюдал своеобразный эксперимент: западный литературный частью театр — И. Поцюс — Телегин. Оправдал ли себя этот выбор?

— Да. Главное — личность. А актерский диплом еще ни о чем не говорит. Кстати, в спектакле Серебрякова играет В. Балдонас, Войницкого — В. Петкевичюс.

...Лет четырнадцать назад — малый зал учебного театра консерватории. З. Некрошюс — еще студент, на сцене. Шлифует отрывок из «Хиросима, любовь моя» М. Дюрас. Какое бешеное воображение, такие точные и сильные движения! В математическом мире М. Дюрас он — как рыба в воде: инсценированные переходы от одного состояния к другому, ритм, тембр голоса — все сочетается. Возникала добрая зависть к его неуемной выдумке. Он как бы под другим углом зрения смотрел на нашу жизнь, эмоциональ спектакль. Внешне был очень спокоен, сосредоточен.

— Эймис! Ты мог быть очень хорошим актером!

А может, я и есть хороший актер (улыбка). Если же серьезно, хочешь знать, почему я играл в фильмах?

— Почему?

— Потому что попросили по-человеческии (улыбка). А я решил посмотреть, как выглядит режиссер со стороны. Своеобразный тренаж.

— А в фильмах «Витер» (рам. А. Мацюлиничюс), «Отряд» (рам. С. Симонов)?

— Трудно ответить однозначно. Были и хорошие моменты, но, видишь ли, многое зависит от режиссера.

— От РЕЖИССЕРА! Но ты ведь сам режиссер! Или и в театре выходишь на сцену или актер?

— Нет! Никогда. Кино — совсем другое дело. Там и результаты выглядят значительнее, чем в театре. Кино — оптический обман. Иногда это актерам на пользу, иногда — не очень, смотря какой фильм, какая роль и...

— И какой режиссер?

— Пусть будет так! Кино дает известность, популярность. Но через некоторое время можешь шлепнуться на землю, причем будет очень больно.

— А поставить фильм не хочется? Ведь такой коллега И. Вайтнус недавно создал очень странную и интересную картину?

— Может, и попытался бы, только никто не предлагает.

— Для этого, видно, надо окончить Высшие режиссерские курсы...

— Поэтому, эти курсы неоного дадут. Если ты режиссер, то уже режиссер. А если нет... Тут — только специфика.

— С какими актерами (на из Молодежного) ты хотел бы поработать? Мильтинис говорил, что актер одновременно — и философ, и акробат. Есть такие?

— Это в идеале. Интересно было бы поработать с С. Петроцайтисом, В. Паукштте, И. Онайтисе, еще с некоторыми...

— Тебе не кажется, что в твоем репертуаре еще не хватает так называемой «производственной пьесы», острой социальной пьесы?

— Беда в том, что почти нет хороших современных «производственных», социально острых пьес. Есть много плохих, одноцветных. Иногда пьесы авторов не нашей эпохи выглядят актуальнее, современнее. Это парадокс.

— Ну, в научная фантастика? В нина уже бывали открытия. Ведь всегда был театр — для молодежи, да и эпоха такая — НТР. Это закучит!

— Научная фантастика — дело интересное! Пока конкретно об этом я не думал, [illegible]...

— Жутковатая легенда манкуртов; космос и мрачное средневековье; коротий отрезок жизни в бесконечности Вселенной — и вечность человеческой мысли, боли; трагедия и фант... «И дольше века длится день». Об этом спектакле много писали, говорили. Но я слышал, что ты в этом спектакле не сумел подняться до романа Ч. Айтматова — ни по глубине, ни по масштабности. Роман, говорят, более емкий?

— Театр никогда не может сравниться с хорошей литературой. Ничего страшного, если мы немного отстаем. Литература достойна большего уважения. Мы стараемся, на сколько возможно, приблизиться к ней в отношении качества.

— Эймис! Тебе не кажется, что в твоих постановках ты начинаешь повторяться?

— Все может быть! Тут надо хорошо чувствовать себя. Понятно, что повторяться это плохо, но от себя не убежишь.

— Не чувствуешь ли ты себя одиноким среди режиссеров литовского театра?

— Жаль, что мы, режиссеры литовских театров, нечасто смотрим спектакли коллег. Надо обмениваться опытом, но чаще всего мы отрицаем друг друга, выработали своеобразную философию отрицания по отношению к другому режиссеру.

— Но что ты вериишь?

— В добро, например. Верю, что в конце концов добро восторжествует. Но за это надо бороться. В своих спектаклях я как раз утверждаю эту борьбу. Не помню, где слышал: когда сердце умирает, то и солдаты могут возвращаться домой...

— Зачем люди стремятся в театр?

— Делать нечего. Фильмов хороших нет, других развлечений мало. Некуда деваться.

— В прошлом году ваши спектакли были показаны на Международном театральном фестивале в Белграде, на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. Что ты думаешь об этом?

— Работать надо, а не думать о популярности. Мы ничем не отличаемся от Европы, т. е. не открываем в Европе «америку». Мы тоже — в Европе.

— Что для тебя — режиссура, создание спектаклей?

— Скорее всего — форма общения с людьми, с аудиторией.

— Сейчас много говорят, обосновано или нет, о «дестотичных» и «демократичных» режиссерах. К каким ты себя относишь?

— Искусство не рождается через силу. Есть мода на режиссеров-диктаторов: все хаки дут власти, хотят командовать, но же все, к сожалению, соответствуют занимаемым должностям. Искусство по своей природе демократично. Либо ты художник, либо администратор. Сочетать это невозможно.

— Некоторые театральные режиссеры провозглашают творчественные программы, манифесты. Каково твое мнение об этом?

— Не знаю. Я не гонюсь за высокими фразами. Стремлюсь смотреть вглубь, а не вширь. Последнее легче — можно больше охватить. Можно, например, философствовать об Америке, Африке, выдумывать жизни других, только не свою. Прежде всего надо знать свою родную землю, понять характер своего народа. О других говорить легче. Многие, особенно в фильмах, берутся изображать Америку (А. Жебрюнас, М. Гедрис, В. Жалакявичюс) и делают неплохие фильмы. А о родном крае — нет, как будто какие-то внутренние эмигранты, боятся или стыдятся говорить о красоте, величии, боли своего народа. Это признак слабости.

— Ты счастлив?

— Человеку нужно все: и счастье, и несчастье. Не может быть чего-то одного. Жизнь каждого человека неповторима, как и судьба.

— Расскажи о своей семье.

— Жена работает в том же театре — художница. Старшему сыну скоро десять, а младшему — третий год. Квартира — две комнаты с удобствами. А машины нет — я не увлекаюсь техникой.

— Остается спросить о планах...

— Надо закончить «Бимкуву» И. Эрлицкаса к следующему сезону. Думаю о «Дядах» А. Минкевича, ну и, совершив круг, по твоим словам, вернуться к Шекспиру. И, разумеется, попытаться поставить детский спектакль. Еще в планах — спектакль о Дарюсе и Гиренасе (Шальтяние сделал наброски к пьесе). Были фильм в память о них, пусть будет и постановка.

— Часто, однако, случается, что идеи появляются на свет лишь тогда, когда устареют!

— Есть идеи, которые стареют. И, конечно, тогда бывает больно.

x x x

Во время беседы З. Некрошюс избегал слов «ищу», «размышляю», «творю», почти всегда «работаю».

Какие же тайны кроются в его методе? Какой магнит привлекают его спектакли? Ведь часто у других режиссеров бывает так, как говорил В. Борхерт: «Есть все, что надо, — и дома, и тонкие, и море. Не вьется только дымок над трубой...». Кажется, так мало — всего лишь дымок — но без него картина становится бутафорией. Спектакли З. Некрошюса — не бутафория. Они живые, подлинные. Это произведения искусства. В психике каждого зрителя они формируют образ. Это состояние — главное, оно ведет к заключенности, к специфической силой реакции — катарсису. Пробуждается наш внутренний мир. Не расовная и не упражнения своих лучшенных и физических органов, поддаваясь вещизму и мещанству, мы осуждаем себя на медленное окостенение, незаметный переход от тупой сытости в небытие.

Спектакли З. Некрошюса заставляют нас посмотреть на себя. В них особенно ярко проступает образное мышление: умственные операции совершаются с помощью представления. Его спектакли мы понимаем и зрением, и слухом и даже, кажется, прикосновением — так они фактурны. Его мышление опирается на практическую деятельность.

...Наша беседа закончена. Мы выходим на освещенную весенним солнцем улочку в старом Вильнюсе. Кажется, здесь всегда светит солнце, всегда резвятся дети и гомонят скворцы. И я верю, что всегда будет так: солнце, дети, песни птиц. Ты, режиссер, выполняешь нужную работу, у тебя есть большая сила делать добро. Ты исповедуешь свою правду нам — страстно и сильно. И я ей верю.

К. ПАУЛАВИЧЮС.

Фото А. Костьлянцикаса.